

От камина

после имени пауза после паузы темнота
я спешу по коридору разговаривает вода
велосипедная камера мотор снято
свято

это план генштаба телефонная трубка мира
я однажды научу тебя прикуривать от камина
осторожно ещё затяжка ещё застёжка
ждёшь как

голубые бабочки вспыхнув уйдут под купол
ибо точное время мучеников и кукол
половина шестого от сотворения мира
мимо

нам давно четырнадцать или недавно тридцать
поутру в одном из нас умирает птица
чтоб в другом родиться

а когда обнажённая правда уже одета
я не знаю зачем должно продолжаться лето
с сумасшедшими лучшими дерзкими но не с нами
и оно не знает

Кровь у августа густа

кровь у августа густа
и с брусничного куста
капли бережно снимая
осень — баба с кузовком —
повздыхает ни о ком
желтоглазая
немая

у неё не расспросить
кто за Бога на Руси
или кто за человека
ходит павой по траве
нянчит эхо в подоле
чтобы песню не коверкать

Ленинградский синдром

вечный турист запускающий дрон
пара таджиков старуха с ведром
вся твоя улица вкратце
непреходящий стокгольмский синдром
только уже ленинградский

в небе свинец а в ногах зеркала
вычисли тангенс шестого угла
чтоб на пяти не прощаться
строчка из блока коньяк из горла
это совсем не про счастье

по вечерам маяки сигарет
вместе с бронхитом за выслугу лет
в каждом замызганном сквере
осень даёт мерлезонский балет
камень становится зверем

стой не его ли ты кормишь с руки
так что внутри дребезжат позвонки
если приходит под окна
дома где медленно с красной строки
в нас заживают подонки

Кондуктор курит на подножке

кондуктор курит на подножке
такой же рыжий как борян
рябиновые неотложки
летят к разбитым фонарям

четыре детства по трамваям
и только в пятом по любви
нас со стихами покрывали
нас со стихами берегли

в карманах ныло в окна дуло
коньяк не старился никак
а осень красилась как дура
бродила ноги в синяках

и целовались мы хамя
и отражались от стекла
и танцевала саломея
где анька масло разлила

у мироздания в наброске
смотри какие молодцы
светлановские недопёски
неопытные образцы

мы жили по диагонали
звуча открыто налегке
на каждом радиоканале
на каждой радиореке

не усреднённые огранкой
и логикой как таковой
пока ночная петроградка
несла трамвай сороковой

нам снова нечего бояться
нам снова нечего терять
я начинаю повторяться
ты начинаешь повторять

кондуктор курит на подножке
такой же рыжий как борян
рябиновые неотложки
летят к разбитым фонарям

За разнотравьем памяти

как странно за минуту до расстрела
упущенное время повзросло
и тронулось серебряным умом
над тихой рощей в медном купоросе
утиный вождь прокладывает осень
почувствовав её в себе самом

сезон охоты пуще чем неволи
камыш обводит зеркало кривое
где плещется рябая высота
здесь не слышна заезженная трасса
а тишина похожая на здравствуй
рождается с упавшего листа

ещё сентябрь
пахнувший грибами
брусникой и сырыми погребями
так словно мы не вышли в города
так будто от земли не отрывались
корнями необузданно свиваясь
склоняясь к колыбелям по родам

за разнотравьем памяти — деревня
ещё разлука не заматерела

не надо
ничего не говори

вразрез с тоской
обманута собой же
нечаянная верность длится дольше
на поворот кудрявой головы

По незапамятной Тарусе

по незапамятной Тарусе
гуляют дряхлые старухи
в последних поисках тепла
в скупом дожде на босу ногу
в своём уме и слава Богу
их бесконечность истекла

стоят у каменной Марины
а Он приходит на смотрины
всё не решаясь выбирать
которой раньше умирать

Витиеватость кованных перил

витиеватость кованных перил
кастрюля для герани и окурков
бегонии не выросли в придурков
но кто-то подоконник побелил
пытаясь снять невидимую бронь

в тринадцатой опять стрекочет зингер
а батарее варежки с резинкой
уверенно командуют: огонь!

идёт в собес морзяня костылём
васильевского острова сокровищ
почётный сильвер константин петрович

другая жизнь поросшая былём
она тебя не схватит за грудки
не заорёт в лицо: привет пропащий!
другая дверь другой почтовый ящик
другой звонок — и долгие гудки

Перспектива

пока любовь кончается на здец
две крайности ответчик и истец
выкручивают лампочки в парадном
постой не одевай их в имена
настолько сумасшедшая весна
что можно спорить с фотоаппаратом

они за нас
присяжные за них
попросишь звонаря: перезвони
и колокол замрёт на полуслове
с таблеткой от войны под языком
он будет дожидаться высоко
когда птенец проснётся в птицелове

заглядывая Богу в объектив
порой не различаешь перспектив
но чувствуешь:
наверное успели

а что до них — смеются
дураки
узнав как звонко ранят каблуки
бессмертные щербатые ступени

отцы и дети
птицы и ловцы
необходимость взлётной полосы
предполагает смелость экипажа
у них в запасе белый парашют
и маленький кальян под анашу
и чёрный ящик
так
для эпатажа